УДК 432.34

ЕВРЕИ БЕЛАРУСИ В XX ВЕКЕ: ОПЫТ ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРЬ

д-р ист. наук, проф. М.В. СТРЕЛЕЦ
(Брестский государственный технический университет)

Рассматриваются проблемы истории белорусских евреев в XX веке в свете принципиально новых концептуальных подходов, которые прослеживаются в книге Л. Смиловицкого «Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг.» Делается вывод, что Л. Смиловицкому удалось показать, насколько разнообразной, сложной, трагичной, противоречивой и в то же время необыкновенно интересной и поучительной является история белорусского еврейства первой половины XX века. Одновременно монография этого израильского ученого дает представление о богатстве источников и тем для научного поиска, о том, сколько событий и исторических персонажей еще не получили своей оценки, сколько устоявшихся стереотипов нуждаются в переоценке.

***Ключевые слова**: антисемитизм, ассимиляция, Беларусь, евреи, концепции, Леонид Смиловицкий, тоталитаризм, Холокост, этнос.*

Введение. «Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг.», увидевшая свет в Минске в 1999 г., – первая книга израильского историка Леонида Львовича Смиловицкого, который последние 25 лет изучает историю белорусского еврейства [1].

Объективная оценка настоящей монографии возможна только при условии, что будут приняты во внимание все последующие публикации автора. Только в таком случае можно понять значимость настоящей работы и ее место в творческой биографии автора.

Основная часть. Не трудно догадаться, что книга Л. Смиловицкого о судьбе евреев в противоречивую эпоху первой половины XX века возникла не на пустом месте. Евреи Беларуси, как народ, всегда интересовали историков до и после 1917 г. Пиком этого интереса стали двадцатые годы, когда творческий поиск не знал ограничений, старая историческая школа еще не была утрачена, а наряду с ней рождались новые подходы в освещении исторического прошлого. К сожалению, в тридцатые годы этот процесс был сначала искусственно ограничен, а потом прерван политикой русификации, в основу которой были положены «классовые интересы» в исторической науке. Великая Отечественная война и трагедия Холокоста, а затем кардинальные перемены во внутренней политике СССР в послевоенный период сделали невозможным научное изучение истории евреев Беларуси в нашей стране. Центр тяжести исследований, посвященных истории российского и советского еврейства, переместился на Запад.

К началу девяностых годов историками Израиля, Америки, Англии, Германии, Франции, Польши был проделан определенный путь в изучении названной проблемы. Однако их труды страдали одним недостатком – отсутствием архивных документов. Зарубежные исследователи могли использовать только источники второго плана – советские публикации, периодическую печать, статистические сборники, воспоминания очевидцев и современников событий, личные архивы, которые дополняли мемориальные книги по истории еврейских общин, изданные в 1950–1980-е гг. в Израиле на идиш и иврите.

Отличие советских архивов от подобных научных учреждений в демократическом мире заключалось в том, что это была разновидность спецхрана, доступ в который строго контролировался. Главное правило в работе советских архивистов, распространявшееся и на Беларусь, состояло в том, чтобы не позволить пролить свет как раз на то, что настоятельно требовало своего изучения. «Придворным историкам» из Института истории партии при ЦК КПБ и Института истории АН БССР поручалось представить события такими, какими они должны были выглядеть с точки зрения Коммунистической партии. Необходимость такого подхода обосновывалась формулой: обобщать только положительный опыт партии. Критики белорусской истории на советский манер объявлялись в СССР ревизионистами, фальсификаторами, клеветниками, пособниками империалистов и т.п. Разумеется, что в этой схеме не оставалось места для изучения национальной истории евреев Беларуси, традиций, культуры и языка идиш, не говоря уже об иврите, который еще в 1920-е годы был объявлен языком контрреволюции, – раввинов и сионистов.

Отсутствие полноценных архивных данных сказывалось на качестве публикаций по истории евреев Беларуси. Нельзя было проследить, как формировалась государственная политика, кто и как ее осуществлял на практике, понять динамику процесса, а сделать ясные и точные выводы – невозможно. Вот почему до 1991 г. в Израиле, Германии, Америке и других странах не вышло ни одного обобщающего труда с панорамным видением истории евреев Беларуси. Так, в истории белорусской иудаики возникла ниша, которая ожидала своего заполнения.

Для восполнения этого пробела требовался, с одной стороны, достоверный архивный материал, а с другой – профессионал, знающий эпоху, исторический фон событий, умеющий распознать главное во второстепенном, увидеть большое в малом. Такой человек должен был хорошо знать советскую ментальность, понимать условности и намеки в поведении советской государственной машины и одновременно воспринимать стандарты западной исторической школы. Подобную задачу трудно было решить западному историку с выученным русским языком, выросшим в мире, построенном на плюрализме и свободе прав личности и гражданина. Понять коды поведения «хомо советикус» такому исследователю было не по силам. Наконец, эта работа требовала большой мотивации, сил и времени для проникновения в исторический материал, его изучение, обобщение и изложения собственной версии событий.

Вторая половина 1980-х и начало 1990-х годов ознаменовались большими переменами, которые потрясли Советский Союз. Последовали отмена цензуры, открытие архивов, переоценка ценностей, попытка белорусов по-новому взглянуть на собственную историю, падение идеологических оков, стремление к переустройству общества, поиск новых подходов в изучении прошлого. Для историков открылись новые возможности. Открылись спецхраны, начался процесс рассекречивания закрытых архивных фондов. Западное историческое сообщество поспешило воспользоваться плодами перестройки. Родились взаимовыгодные научные связи, появились совместные проекты. Так, копии уникальных документов из истории евреев Беларуси поступили в Яд Вашем, Центральный архив народа Израиля, Сионистский архив в Иерусалиме и другие научные учреждения.

Именно тогда взошла звезда Леонида Смиловицкого, который оказался в нужное время в нужном месте. Совершив репатриацию в Израиль осенью 1992 г., он уже через год приступил к работе в архиве Национального мемориала Катастрофы и героизма Восточноевропейского еврейства (Яд Вашем) в Иерусалиме. Здесь состоялось его первое знакомство с израильской наукой. Богатство и разнообразие сведений о жизни евреев Беларуси, накопленные в израильских архивах, поразило Леонида Львовича. Сравнивая то, что поступило в архив из стран бывшего СССР незадолго до его репатриации, с тем, что уже находилось в Израиле, знакомясь с публикациями на иврите и английском языках, посвященных истории евреев Беларуси, Смиловицкий обнаружил научную нишу.

Свои выводы и наблюдения Смиловицкий всегда сверял с тем, что было написано и издано до него. Именно поэтому каждый материал, который вошел в книгу, содержит рассуждения и размышления автора, анализ доказательной базы с привлечением большого количества источников. Творческий метод автора состоит в умелом сочетании архивного материала, опубликованных источников и устной истории (интервью, воспоминаний, мемуаров). Сочетание этих трех компонентов делают историю достоверной и убедительной. Подобный прием, впервые апробированный в книге «Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг.», впоследствии будет использован исследователем во всех его последующих научных трудах.

До Смиловицкого первую попытку написания обзорной работы по истории евреев Беларуси сделал профессор Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка Э.Г. Йоффе в 1996 г. [2]. Вместе с тем, его книга была задумана и исполнена в научно-популярном стиле и не претендовала на статус научного исследования.

Для автора было важно, чтобы его первая книга увидела свет именно в Минске, что давало гарантию ее доступности белорусскому читателю. Однако в ходе издания, рукопись, поступившая в издательство АРТИ-ФЕКС, претерпела большие изменения. Первоначальный вариант обладал всеми атрибутами научной монографии. Текст книги был снабжен подстрочным аппаратом, пояснительными сносками, ссылками на источники и архивы, списком библиографии, именным, географическим и тематическим указателями. Однако издатель, Лев Романович Козлов, не позволил полностью осуществить творческий замысел автора. Без согласования с автором из книги были удалены наиболее проблемные, с точки зрения Козлова, места.

Книгу, конечно, очень обедняет отсутствие подстрочного аппарата и ссылок на использованные источники и литературу. Это лишает читателя возможности понять логику, увидеть аргументацию и проследить ход творческого поиска автора.

В книгу «Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг.» вошли 13 очерков, которые тематически охватывают период от первой русской революции до смерти Сталина. Книга была составлена на материале публикаций Смиловицкого на иврите и английском языке в научных журналах Израиля, Великобритании и США в 1995–1998 гг.

13 очерков были объединены семью темами. Первые четыре темы посвящены участию евреев в первой русской революции 1905 г., еврейской школе и народному образованию, советскому строительству, омраченному предвоенными репрессиями, Холокосту и вооруженному сопротивлению евреев с нацистами [1, с. 21–209]. Пятая тема – показ судьбы евреев Беларуси на примере отдельно взятых общин – Городеи, Червеня и Речицы [1, с. 210–237], шестая – религиозная жизнь после войны на примерах Бобруйска и Минска, а также судьба раввинов и других руководителей общин республики [1, с. 247–301].

Книгу завершает глава о жизни и творческом наследии Заира Исааковича Азгура, выдающегося советского скульптора, не забывшего о своем еврействе [1, с. 302–309]. Разнообразие тем, представленных автором за первые пять лет его пребывания в Израиле, широта и глубина научного проникновения в проблематику позволяют судить, насколько плодотворным был старт ученого.

В начале творческого процесса исследователя всегда лежит выбор темы. Если читатель задастся вопросом, кто последний раз с научной точки зрения освещал проблему еврейских погромов периода первой русской революции в Беларуси, то обнаружит, что до Смиловицкого это делали только Лев Дейч [3] и Самуил Агурский [4] 90 лет назад!

Если говорить о другой главе, посвященной истории школы на идиш в Беларуси, то последние публикации по этой теме относятся к довоенному периоду, а единственная статья на обобщающую тему в этом вопросе была напечатана Юделем Марком в Нью-Йорке полвека назад [5].

Позволим себе немного более подробно охарактеризовать эту важную тему. Смиловицкий рассказывает, как родилась идея строительства еврейской школы на идиш в Беларуси, как еврейская секция при ЦК КП(б)Б использовала народное образование и просвещение в борьбе с религией и традицией (противопоставление хедерам и иешивам), что представляли собой советские учебники на идиш и чем они отличались от их русской версии. В книге приводятся статистические данные национального состава учреждений народного просвещения, начиная с детских садов и детских домов и приютов, и заканчивая высшими учебными заведениями в соответствии с языком обучения (идиш, белорусский, русский, польский, украинский языки). Говорится не только о формировании системы образования на идиш, но и о подготовке педагогических кадров, не только об учебном процессе и общественной работе, но и активном участии школы во всех мероприятиях советской власти. Автор показывает, что представляло собой образование на идиш к середине тридцатых годов. Дается ответ на вопрос, что явилось мотивом закрытия школы на идиш в 1938 году, как родители и еврейская общественность, национальная интеллигенция прореагировали на этот шаг советской власти, наконец, как поступили с еврейским образованием в областях Западной Беларуси в 1939–1941 гг.

Тема сталинских репрессий, от которых сильно пострадала еврейская интеллигенция в 1936–1938 гг., раскрыта судьба Изи Харика. «Певец и жертва эпохи», Исаак Давидович Харик за 20 лет сделал карьеру от талантливого юноши из еврейского местечка Зембин до члена-корреспондента АН БССР, председателя еврейской секции Союза советских писателей Беларуси (самой многочисленной в ССП). Харик стал жертвой сталинского режима, несмотря на то, что был основоположником советской пролетарской поэзии на идиш. Сведения, обнаруженные в архивах, позволили автору написать первую научную биографию замечательного поэта. Смиловицкий разыскал учеников Харика, от них он услышал много интересных подробностей. В частности, Евгений Ганкин читал ему в переводе с идиш поэму Харика, посвященную чекистам Ежова[1]. В ней речь шла о вкладе ОГПУ в трудовое перевоспитание «врагов народа» на Беломорско-Балтийском канале в 1934–1935 гг.[2].

В этой главе Смиловицкий выступает не только как историк, но и как литературовед, анализируя поэтические произведения Харика. Мы видим, как формировалась личность поэта и гражданина, насколько искренне он воспринял идеалы советской власти, так много обещавшей еврейской бедноте, и насколько глубоким было разочарование. К чему все свелось спустя два десятилетия после революции 1917 г., как искренне он переживал, теряя товарищей, и его трагическая кончина.

Из рассказа вдовы поэта Дины Звуловны Харик читатель узнает, что на момент ее ареста вслед за мужем, дома оставались двое малышей в возрасте до трех лет, судьба которых навсегда осталась неизвестной[3]. Так творческая трагедия была дополнена личным несчастьем. Заблуждения Харика, как и многих других представителей творческой интеллигенции, и даже желание служить советской власти не спасли от печальной участи. Вот почему вслед за белорусской секцией Союза советских писателей Беларуси еврейская секция была почти полностью уничтожена.

Одной из центральных тем книги является трагедия Холокоста и сопротивление нацистской политике геноцида. Для каждого еврея Холокост – это психологическая травма. Когда это станет не безразлично для других народов, мы получим гарантию, что подобное никогда больше не повторится, ни с евреями, ни с кем другим. Но, к сожалению, до этого еще далеко. Вот почему каждое честное и непредвзятое

---

[1] Ежов Николай Иванович (1895–1940 гг.) – советский партийный и государственный деятель, председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), народный комиссар внутренних дел СССР (1936–1938), народный комиссар водного транспорта СССР (1938–1939), главный организатор массовых репрессий в стране (1937–1938 гг.).

[2] Беломорско-Балтийский канал – соединяет Белое море с Онежским озером, имеет выход в Балтийское море (227 км), построен между 1931 и 1933 гг. в рекордно короткий срок, строительство велось силами заключенных ГУЛАГа, первое в СССР полностью лагерное строительство.

[3] Как известно, в 1930-е гг. в СССР в детских домах системы НКВД для детей репрессированных родителей существовала практика сознательной перемены имен и фамилий малолетних воспитанников.

исследование истории Холокоста обращает на себя внимание. Речь идет не только о поиске и обнародовании новых сведений, которые мы находим в работе Леонида Смиловицкого, но и их осмыслении.

В книге «Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг.» этой проблеме отведено три самостоятельных очерка: «Холокост и спасение евреев Беларуси», «Еврейские семейные лагеря и отряды», «Сопротивление в гетто Минска».

Тема еврейского геноцида и сопротивление евреев имеет свои особенности. С одной стороны, трагедия евреев состояла в том, что из гетто некуда было бежать – среда оставалась враждебной. На это нацисты и рассчитывали, не особенно охраняя гетто. Известен не один случай, когда после массовой акции евреи, чудом уцелевшие, выбравшись из расстрельной ямы, бежали обратно в гетто. Там оставались свои, там можно было еще спрятаться. Белорусские соседи, запуганные нацистами, оказались не готовы, в своем большинстве, предоставить помощь. С другой стороны, Смиловицкий показывает, что ни один узник, бежавший из гетто, не мог спастись без помощи местного населения.

Общее негативное отношение белорусов к политике геноцида евреев подтвердило традиционную их толерантность. Автор приводит примеры из докладов руководителей айнзацгрупп[4] о том, что набрать карателей из белорусов не получается, как нельзя и «раскачать» их на еврейские погромы. Однако до сих пор эта проблема малоизученна. Дополнительные усилия необходимы для выяснения мотивов спасения, кто и как именно это делал (предоставление крова, питания, устройства убежища, изготовление фальшивых документов, признание псевдородства и т.д.). Объективной оценки требует участие евреев в партизанском движении Беларуси, устройство и существование семейных лагерей. Раскрытие этих тем позволит полнее оценить гуманизм спасителей-праведников.

Своеобразным приемом в освещении темы Холокоста можно считать рассказ о жизни и гибели отдельных еврейских общин. Здесь Смиловицкий выступает не только в роли историка, но и краеведа. Ученый делает это на трех примерах – небольшого местечка Городея[5], крупного местечка Червень[6] и города Речица, районного центра Гомельской области[7]. У автора были свои причины начать разговор о том, что происходило в каждом из названных мест в отдельности. В главе «Встреча с Городеей» [1, с. 210–215], где Леонид Львович проходил свою первую педагогическую практику, учащиеся указали на место массового расстрела евреев, которое никак не было обозначено (в самом центре поселка). Сколько вообще еврейских усыпальниц оказалось разбросано на территории Беларуси? Городее еще повезло, память ее расстрелянных жителей в 2004 г. увековечил известный архитектор, лауреат Государственной премии Беларуси Леонид Левин.

Знакомство с главой «Это было в Червене» вызывает разочарование. Виной этому самоуправство издателя, который при публикации самовольно изъял ключевой документ, вокруг которого строилось все повествование. Речь шла о докладной записке с грифом «Совершенно секретно» секретаря Минского ОК ЛКСМБ И. Полякова на имя секретаря Минского ОК КП(б) В.И. Козлова. Смиловицкий обнаружил его летом 1995 г. в Национальном архиве Республики Беларусь, унаследовавшем фонды Партийного архива Института истории партии при ЦК КПБ [6].

Лаконичный по форме, но очень выразительный по содержанию документ давал представление об отношении советского руководства к еврейской проблеме в послевоенные годы (замалчивание катастрофы, отрицание вклада евреев в победу над нацизмом, гонения против «безродных космополитов» и «буржуазных националистов» основную часть которых составляли евреи). Документ был выполнен в виде типичного для второй половины сороковых годов политического доноса и раскрывал способ мышления функционеров. «Криминал», вскрытый в Червене в 1946 г., имел отношение к несанкционированной попытке родственников расстрелянных нацистами евреев увековечить их память. Поляков с возмущением сообщал Козлову, что активное участие в этой работе принимал приезжавший из Москвы Владимир Исаакович Фундатор, один из конструкторов легендарного танка Т-34, родители которого погибли в Червене.

Издатель Л.Р. Козлов вычеркнул из книги Смиловицкого имена Полякова и Козлова, опасаясь ненужных последствий. Василий Иванович Козлов (1903–1967 гг.) с января 1948 г. по 1967 г. занимал должность председателя Президиума Верховного Совета Белорусской ССР и заместителя председателя Президиума Верховного Совета СССР, а Иван Евтеевич Поляков (1914–1985 гг.), в свою очередь, возглавлял Президиум Верховного Совета БССР и одновременно являлся заместителем председателя Пре-

[4] Айнзацгруппы полиции безопасности и СД (нем. Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD, сокр. EGr, рус. «целевые группы», «группы развертывания») – военизированные эскадроны смерти нацистской Германии, осуществлявшие массовые убийства гражданских лиц на оккупированных ею территориях стран Европы и СССР.

[5] Городея – поселок городского типа в Несвижском районе Минской области; 18 июля 1942 г. в ходе ликвидации гетто нацисты расстреляли 1137 евреев.

[6] Червень (Игумен до 1923 г.) – город Минской области, 2 февраля 1942 г. было расстреляно 1800 евреев.

[7] В Речице 25 ноября 1941 г. было расстреляно около 3 500 евреев.

зидиума Верховного Совета СССР (1977–1985 гг.). Читателю, не знакомому с оригиналом рукописи, трудно понять, сколько потеряла глава из-за такой обидной купюры.

Тем не менее, исследовательский поиск доктора Смиловицкого не остался незамеченным. Он обратил на себя внимание сотрудников Червенского краеведческого музея. Результатом стала книга И.И. Вабищевич, которая в посвящении написала: «Леониду Смиловицкому, моему фактическому соавтору с огромной благодарностью»[7].

История жизни евреев в Речице неизбежно нашла отражение в творчестве Смиловицкого как место его рождения. Автор начинает эту важную для него главу словами о значимости понятия «малая родина». Смиловицкий отмечает, что всегда чувствовал себя в Речице органично и никогда не делил ее на еврейскую и белорусскую, хотя находились такие, кто делал это намеренно. В главе «Еврейская Речица» [1,с. 216–237] рассказывается, когда именно евреи впервые появились в этом городе на Днепре, приводятся статистические данные о численности еврейского населения с 1863 по 1997 гг. Дается распределение населения Речицы в процентах по основным видам деятельности (промышленность, строительство, транспорт и связь, сельское и лесное хозяйство, торговля, свободные профессии, прислуга, рантье и др.) Приводятся сведения о религиозной жизни, годах революции и советском строительстве, сталинских репрессиях, оккупации Речицы нацистами, послевоенном восстановлении.

Евреи Речицы, застигнутые на оккупированной территории, разделили общую судьбу евреев Беларуси. В ноябре 1941 г. немцы приказали меламеду Маленковичу составить списки оставшихся евреев. Гетто в Речице устроили по ул. Фрунзе за городской тюрьмой в двухэтажном помещении. Часть домов огородили колючей проволокой и охраняли (не менее 785 семей.) В октябре-ноябре 1941 г. в Гомельской области была создана сеть гетто (15 тыс. узников). В Гомеле существовало четыре гетто: в Жлобине – два, в Рогачеве, Брагине, Хойниках, Речице и некоторых других местах – по одному [8–11]. Узников содержали в невыносимых условиях, били, унижали, морили голодом, отбирали ценности, заставляли выполнять тяжелые физические работы.

Нацисты не скрывали своих намерений, но просто убивать евреев им казалось мало. Рабочий-ударник Речицкой фабрики "Десять лет Октября" Юдка Левикович Смиловицкий (родной брат Мотеля, деда Леонида Смиловицкого) очень любил лошадей. Немцы приказали запрячь его вместо лошади в сани (даже не в телегу – *Л. С.*), а его жену Хаю Хацкелевну погонять мужа кнутом. Когда та отказалась, дядю Юдку застрелили на глазах у семьи. Саму Хаю отправили в Речицкую тюрьму. Назавтра их пятилетний сын Левушка пытался передать матери узелок с продуктами через забор, и был застрелен конвоиром с вышки. Басю Ароновну Смиловицкую, 1872 г. р. (прабабушка Леонида Смиловицкого) живой столкнули в погреб дома по улице Комсомольской и в течение нескольких дней наблюдали, как она умирала. Хану Шпилевскую привязали к мотоциклу и заставили бежать вслед. Когда женщина выбилась из сил и упала, ее еще некоторое время волокли по земле под гогот солдат и полицейских, а затем расстреляли.

В конце ноября 1941 г. в Речицу прибыл новый комендант, который заявил, что не станет принимать у своего преемника город до тех пор, пока "останутся в живых жиды и коммунисты". 25 ноября 1941 г. после полудня к воротам гетто подъехало семь крытых грузовых автомобилей. Лейбу Рябенького, который был парализован и не мог самостоятельно взобраться в кузов сажали вилами. Каждый автомобиль увозил по 30–35 человек в сторону военных лагерей, где был противотанковый ров (ныне район костнотуберкулезного санатория – *Л. С.*). Когда вели на расстрел, многие посылали проклятья. Хава-Сейна Рудницкая кричала: "Сталин победит!" Людей выгружали и загоняли в ров группами по 15–20 человек, выстраивали в шеренгу и открывали огонь из автоматов. По свидетельству очевидцев, стрелявшие были в "пьяном виде". В момент расстрела восьмилетний Борис Смиловицкий кричал: "Бандиты, фашисты, вы проливаете нашу кровь, но все равно Красная Армия победит и отомстит за нас!"

По мнению Льва Матвеевича Смиловицкого, кричал, скорее всего, не восьмилетний Борис, что трудно было ожидать от ребенка в таком возрасте, а его двоюродный брат Зиновий Смиловицкий 15 лет. Зяма слыл боевым пареньком, задирой, любил играть в "казаки-разбойники", был патриотом. И остался он в Речице не по своей вине. Именно Зяма, а не кто-то другой был способен посылать в момент расправы проклятия. Так погибло более трех тысяч речицких евреев. Почти одновременно ушли из жизни 4 тыс. евреев в Гомеле, 3 тыс. 500 евреев – в Рогачеве, 1 тыс. 200 чел. – в Жлобине и т. д. [1, с. 227].

История евреев Речицы продолжала волновать Леонида Львовича и в последующие годы после выхода его книги «Евреи Беларуси: из нашей общей истории», поэтому не случайно появились его новые аналитические статьи, посвященные разным аспектам жизни еврейской общины в этом городе [12–15]. Впоследствии весь накопленный материал, включающий архивные сведения, записанные им интервью и устные истории выходцев из этого богатого историей города Беларуси, Смиловицкий безвозмездно передал Альберту Каганович, который приступил к работе над книгой по истории евреев в Речице. В 2007 г. монография доктора А. Кагановича вышла на русском языке [16], а в 2013 г. – на английском [17].

Последний раз Леонид Львович был на своей малой родине в 2014 г., куда он специально привозил младшего сына Моше. Вместе они посетили еврейское кладбище в Речице, одно из немногих ныне

действующих в Беларуси. Усилиями местной еврейской общины (около 300 человек) на кладбище поддерживается порядок. Установлен памятник из черного гранита жертвам Холокоста с красноречивой надписью на русском и иврите, которая гласит: «3000 тысячи человеческих жертв. За что?» Родственники переводят деньги, и за могилами смотрят.

На еврейском кладбище в Речице похоронены бабушки и дедушки Смиловицкого – Чечик Эстер Файвелевна (1896–1970 гг.), Чечик Израиль Аронович (1892–1974 гг.), Смиловицкая Лиза Мордуховна (1900–1968 гг.), Смиловицкий Марк Львович (1892–1984 гг.). Вся довоенная и послевоенная Речица переселилась сюда. Инженеры, врачи, учителя, рабочие, служащие, партийные и советские работники, военные, профсоюзные деятели, заготовители вторсырья, лодочники и рыбаки, грузчики, домохозяйки … теперь на земляков смотрят только надписи с надгробных плит.

Вклад Смиловицкого в освещении жизни речицких евреев оценили. Первыми это сделали в Энциклопедии истории Беларуси (Минск) [18], за ними последовала Российская еврейская энциклопедия (Москва) [19], а потом Ежевика (Еврейская электронная энциклопедия) [20] и Википедия [21].

В 2013 г. вышел внушительный том, посвященный 800-летнему юбилею Речицы – одному из старейших городов белорусского Полесья. В разделе «Таланты Речицкой земли» приводятся сведения о жизни и творчестве Л.Л. Смиловицкого. Нельзя не отметить и одно приятное совпадение: на одной и той же странице рассказывается о профессоре Виталии Михайловиче Фомине, бывшем заведующем кафедрой истории СССР Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, где в 1972–1977 гг. учился Леонид Львович. Так, земляки, ученик и учитель, оказались рядом через 40 лет [22].

Поскольку до Смиловицкого о еврейской жизни в Городее, Червене и Речице не писали, есть все основания считать, что и эти главы в его книге явились новаторскими в белорусской историографии.

Заключительные главы книги «Евреи Беларуси: из нашей общей истории» посвящены еврейской религиозной жизни в республике в послевоенный период. Долгое время эта тема оставалась неизученной в белорусской историографии. Причин этому несколько. Прежде всего считалось, что достоверные сведения по этому вопросу отсутствуют. Кроме того, не было социального заказа, и продолжали существовать негласные запреты на изучение еврейского вопроса в БССР, как и в целом по стране. Это имело отношение к любым проявлениям еврейской национальной жизни, не говоря уже о ее религиозной составляющей, которая определялась как крайне нежелательная.

До 1991 г. никто из историков даже не мог подумать о том, чтобы выяснить, как обстояли дела в этой области. Так история жизни и борьбы за свои права тысяч верующих, которые вернулись из эвакуации, десятилетия оставалась неизвестной. Однако ситуация в изучении этой темы не изменилась и после 1991 г., когда запретов не стало, а цензуру отменили. Л.Л. Смиловицкий решил восполнить этот пробел. Первые опыты были им предприняты при написании двух статей, которые спустя некоторое время превратились в отдельные главы его первой книги о евреях Беларуси. Речь шла о борьбе евреев Минска и Бобруйска за восстановление своих гражданских прав, соблюдения свободы совести, обещанные по советской Конституции 1936 г. [23–24]. Почему автор выбрал именно Минск и Бобруйск – тоже понятно. До войны еврейское население этих городов составляло соответственно – 29,7% и 31,77% [25]. Существовала уверенность, что после войны все будет по-другому[8]. С одной стороны, евреи подтвердили свой патриотизм и преданность советской власти. С другой – они полагали, что заслуживали снисхождения и сочувствия со стороны властей, как наиболее пострадавший народ от нацистского геноцида.

На 1 июля 1947 г. ходатайства о регистрации своих религиозных общин подали евреи Орши, Пинска, Калинковичей. В стадии оформления находились ходатайства из Витебска, Полоцка, Могилева, Гомеля, Речицы, Жлобина, Лиды, Радошковичей – всего 17. Уполномоченный СДРК по БССР Кондратий Уласевич летом 1947 г. сообщал первому секретарю ЦК КП(б)Б Н.И. Гусарову и Председателю Совета Министров БССР П.К. Пономаренко, что до войны евреи не проявляли «большого рвения к религии, а сейчас они сделали большой крен в сторону религиозного фанатизма, пожалуй, больше, чем какая-либо другая народность» [1, с. 278]. К этому времени в Беларуси фактически действовали 634 религиозные общины (17 иудейских), но официальную регистрацию из них сумели пройти только 476 (2 иудейские). Исполкомы местных советов отмечали, что чиновники не располагали силами и средствами, чтобы определить тенденции развития общин в республике, будь они православными, католическими, мусульманскими или иудейскими, однако «все они являются реакционными и поле их деятельности следует ограничить». При этом подчеркивалось, что националисты «под видом религиозности внушают евреям теснее объединяться вокруг синагоги, сплачиваться друг с другом, восстанавливать и поддерживать связи с заграничными сионистскими организациями» [1, с. 279].

Все, что происходило в Беларуси после войны, было созвучно тем процессам, которые разворачивались в Советском Союзе в целом. Власти, обещая на словах одно, на практике делали другое. Проце-

[8] 19 мая 1944 г. СНК СССР был образован Совет по делам религиозных культов (СДРК), на который возлагалось осуществление связи между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений, включая иудейские.

дура регистрации общин и открытия синагог сопровождалась многочисленными препятствиями. Чиновники опасались, что ситуация выйдет из-под контроля и общины начнут действовать явочным порядком.

Сюжет, который лег в основу рассказа о борьбе евреев Бобруйска за свои права, достоин детективного жанра. О том, как верующие начали добиваться регистрации общины и на свои средства (100 тыс. руб.) восстановили синагогу в немыслимо сжатые сроки в условиях послевоенной разрухи. О том, как она у них была несправедливо отнята властями, и какие тяжбы верующие вели с городскими властями в рамках допустимого советским законодательством порядка.

Уполномоченный СДРК по Бобруйской области Н. Хоромецкий в 1946 г. сообщал в Минск, что прихожане распространяли слухи: «Если закроете синагогу, то об этом будет знать Америка!» или «Поставьте хоть пулеметы, все равно из этой синагоги не уйдем!» Упорство еврейской общины было не случайным. Еще в XIX в. Бобруйск по праву считался центром культурной и политической жизни белорусского еврейства. Здесь находились многочисленные иешивы и выдающиеся раввины – руководители хабадского хасидизма Мордехай Барух Эттингер, Хиллель из Паричей, Шмария Ноах Шнеерсон, Иаков Давид Воловский (Ридбаз) и Рафаэль Шапиро. В XX веке Бобруйск стал центром Бунда, сионизма и других еврейских политических течений. Здесь еще выходили молитвенники и другие еврейские книги, включая «Ягдил Тора» – последнее произведение еврейской религиозной литературы, изданное в СССР [1, с. 280].

Синагогу по ул. К. Либкнехта в Бобруйске то открывали, то закрывали. Ее помещение передавали для нужд то советско-партийной школы, то городскому обществу инвалидов войны, то его собирались использовать как дом народного творчества Бобруйска, то для нужд милиции. Окончательное решение о закрытии синагоги было принято лично Сталиным 9 октября 1949 г. Здание синагоги передали Государственному архиву Бобруйской области [1, с. 283].

Материал для этой главы автор обнаружил в Центральном архиве народа Израиля в Иерусалиме. Это были копии документов, поступившие из Москвы и Минска. В начале 2000-х годов вышла книга Михаэля Бейзера, в которой были обобщены все известные на Западе публикации по истории еврейской религиозной жизни в СССР после войны, включая сюжеты по Беларуси [26]. Из списка библиографии следует, что непосредственно Беларуси посвящены только работы Смиловицкого, за исключением статьи профессора Мордехая Альтшулера [27] и профессора Якова Рои [28], где писалось о религиозной жизни в Советском Союзе в целом.

С огорчением приходится констатировать, что белорусских историков тема еврейской общинной жизни не интересует или считается бесперспективной. В противном случае трудно объяснить, почему архивы Беларуси, наполненные значимой, правдивой и поучительной информацией по обозначенным вопросам, так и остаются без внимания. Главным образом это фонд Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по БССР, где сосредоточена вся документальная база по этой теме, приказы, распоряжения, переписка и контакты с верующими. Только отдельные аспекты этой работы наши освещение в книге «Канфесіі на Беларусі» [29], которая имеет обзорный характер.

Заключительная глава книги «Евреи Беларуси: из нашей общей истории» не случайно посвящена выдающемуся белорусскому скульптору Заиру Исааковичу Азгуру [1, с. 302–309]. С одной стороны, это портрет мастера на фоне эпохи, а с другой – попытка протянуть ниточку из прошлого в настоящее.

Судьба каждого художника трудная. Здесь наслаиваются противоречия творческого поиска, заурядные материальные условия, обыденная жизнь с ее проблемами, наконец, здоровье. Но самая большая опасность – компромисс с совестью, соблазн променять дар мастера на устройство личного благополучия. Невозможно сбрасывать со счета и элементарную человеческую зависть, которая возникает всякий раз после того, как успех достается другому. У Заира Исааковича всегда было достаточно недоброжелателей, которые только и ждали случая, чтобы предъявить претензии. Некоторые из них были не прочь свести с ним счеты хотя бы на том основании, что еврей Азгур был признан и обласкан властью, которая отказывала другим в том, что те у нее выпрашивали, оставаясь творческими бездарностями.

Азгур работал в области станковой и монументальной скульптуры и был сторонником строгой реалистической формы. Он лепил не только портреты вождей народов, основоположников, теоретиков научного социализма и коммунизма, да и эти люди, воплощенные художником в камень и бронзу, никогда не выглядели у Заира Исааковича истуканами. Азгур много времени посвятил тем, кто действительно двигал вперед человеческую мысль. Очень интересны его портреты видных деятелей белорусской культуры. Глубокое впечатление оставляет галерея еврейских мыслителей, мудрецов, философов, ученых, писателей, поэтов и музыкантов. Судьба разбросала их по разным странам и континентам, но не лишила национального самосознания. Азгур наделял своих художественных героев качествами живых людей, создавал образы, которые запечатлели бы время и эпоху» [1, с. 307–308].

Читатель познакомится и с главным заветом мастера. По словам скульптора, в течение всей жизни он пытался разобраться в причинах, порождавших неудовлетворение, вражду, зависть и ненависть среди людей. Художник стремился понять, что заставляет одного человека поднять руку на другого и даже ли-

шить жизни?! Заир Исаакович пришел к выводу, что борьба не должна вестись за обладание, что природа никого не создавала для единоличного владения остальным миром [1, с. 308–309].

Хорошо известно, что для евреев вхождение в политическую, экономическую, научную, культурную элиту стран, в которых они проживали, всегда было испытанием, поскольку они не принадлежали к титульной нации. Не будем забывать, что большая часть творческого пути Заира Азгура, автора полутора тысяч скульптурных произведений, совпала с периодом, когда Советский Союз оставался обществом, полностью закрытым от остального мира. Азгур не стеснялся своего еврейства. Еврейская тема всегда присутствовала в его творчестве. Он хорошо владел идиш, читал на иврите, но никогда это не афишировал, чтобы не прослыть еврейским националистом. Вместе с тем, скульптор любил цитировать то место в «Песни песней» царя Соломона, где сказано, что человек, несмотря на любое давление, подобно червяку, обязан выползать, взбираться наверх, оставаясь при этом живым. Так вынужден был поступать и сам мастер, преодолевая, порой, непредсказуемые препятствия. Он подчеркивал, что в течение многих столетий евреи жили в Белоруссии, «гостили у народов, не оставляя плохих следов», как сказано у царя Соломона. Два народа породнились и справедливо считали Белоруссию своим домом [1, с. 309].

Заключение. Подводя итог разговору о книге Л.Л. Смиловицкого «Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг.», можно утверждать, что автору удалось показать насколько разнообразной, сложной, трагичной, противоречивой и в то же время необыкновенно интересной и поучительной является история белорусского еврейства первой половины XX века. Одновременно монография Смиловицкого дает представление о богатстве источников и тем для научного поиска, сколько событий и исторических персонажей еще не получили своей оценки, сколько устоявшихся стереотипов нуждаются в переоценке.

История евреев Беларуси является неотъемлемой частью истории самой Беларуси. Без знания еврейской составляющей история Беларуси не может считаться правдивой, полноценной и объективной. На сегодняшний день некогда многочисленная, деятельная, богатая на таланты еврейская диаспора в Беларуси прекратила существование. Беларусь теперь является более мононациональным обществом, чем это было 70, 60 или 50 лет назад. Однако это не снимает с повестки дня исторической науки все те вопросы, которые остались без ответа. Леонид Смиловицкий в своей первой книге только определяет, какие проблемные поля существуют. Ответы на эти вопросы, конечно, будут найдены, но лучше, если это произойдет раньше, чем позже. В изучении истории евреев должны быть заинтересованы не только евреи и их потомки, но и сами белорусы. Такой подход позволит взглянуть на себя со стороны, трезво оценить свое прошлое, узнать об утраченных возможностях и открывающихся перспективах. Открывая для себя еврейскую историю, белорусы научатся уважать собственную историю. Только так будет возможно оценить ее богатство и разнообразие, понять цену приобретениям, которые были сделаны, увидеть перспективы развития нации, которая всегда должна смотреть вперед.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смиловицкий, Л. Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг. / Л. Смиловицкий. – Минск : АРТИФЕКС, 1999. – 361 с.
2. Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Научно-популярный очерк / Э.Г. Иоффе. – Минск : АРТИФЕКС, 1996. — 294 с.
3. Дейч, Л.Г. Роль евреев в русском революционном движении / Л.Г. Дейч. – М. : Госиздат, 1925. – 437 с.
4. Агурский, С. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии: 1867–1917 гг. / С. Агурский. – Минск : Белгиз, 1928. - 348 с.
5. Марк, Ю. Еврейская школа в Советском Союзе / Ю. Марк // Книга о русском еврействе 1917–1967 гг. / под ред. Я. Г. Фрумкина [и др.]. – Нью-Йорк : Союз русских евреев, 1968. – 480 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4. Оп. 32. Д. 101. Л. 195–196.
7. Вабищевич, И.И. Город скорбит о потерянных детях своих / И.И. Вабищевич. – Червень : Контуры, 2012. – 214 с.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 7021. Оп. 85. Д. 413. Л. 15.
9. Нацистская политика геноцида и "выжженной земли" в Белоруссии: 1941-1944 гг. Сборник документов и материалов / Лобанок В.Е. (отв.ред.). – Минск : Беларусь. – 271 с.
10. Трагедия еврейского народа в Белоруссии, 1941–1944 гг. Сборник документов и материалов / Р.А. Черноглазова (ред.). – Минск, 1992. – 346 с.
11. Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941–1944) : сб. материалов и док. / под ред. Г.А. Черноглазовой. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск, 1997. – 408 с.
12. Smilovitsky, L. Jewish Addresses in Rechitsa / L. Smilovitsky // Journal of Federation of East European Family History Societies. Salt Lake City (USA). – 2002. – Vol. 10. – P. 6–15.
13. Смиловицкий, Л.Л. Воскресная школа в Речице / Л.Л. Смиловицкий // Новая еврейская школа (СПБ). – 2002. – № 12. – С. 164–172.
14. Смиловицкий, Л.Л. Резник из Речицы Иегуда Пинский / Л.Л. Смиловицкий // Мишпоха. – 2002. – № 11. – С. 49–53.
15. Смиловицкий, Л.Л. Семья Гузман из Речицы / Л.Л. Смиловицкий // Еврейский камертон. – 2002. – 31 янв. – С. 10–11.

16. Каганович, А. Речица. История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии / А. Каганович. – Иерусалим, 2007. – 448 с.
17. Kaganovitch, Albert The Long Life and Swift Death of Jewish Rechitsa: a community in Belarus, 1625–2000 / Albert Kaganovitch. – The University Wisconsin Press 2013. – 402 p.
18. Смілавіцкі Леанід Львовіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 2001. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 367.
19. Смиловицкий Леонид Львович // Российская еврейская энциклопедия. – М., 2007. – Т. 6. – С. 345.
20. Смиловицкий, Леонид Львович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.jearc.info/wiki_Смиловицкий,_Леонид_Львович. – Дата доступа: 04.01.2016.
21. Смиловицкий, Леонид_Львович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Смиловицкий,_Леонид_Львович. – Дата доступа: 04.01.2016.
22. Речица. Дорогой столетий в будущее / В.М. Лебедева [и др.]. – Речица : Редакция газеты “Дняпровец”, 2013. – 407 с.
23. Smilovitsky, L. Jewish Religious Life in Bobruisk, 1944–1954 / L. Smilovitsky // Jews in Eastern Europe. –1995. – № 2 (27). – P. 43–54. – (Hebrew University of Jerusalem).
24. Smilovitsky, L Jewish Religious Life in Minsk, 1944–1953 / L. Smilovitsky // Jews in Eastern Europe. – 1996. – № 2(30). – P. 5–17.
25. Smilovitsky, L Distribution of the Jewish population in the USSR, 1939 / L. Smilovitsky // Ed. by Mordechai Altshuler. – Jerusalem, 1993. – P. 38–39.
26. Бейзер, М. Наше наследство: синагоги СНГ в прошлом и настоящем / М. Бейзер. – М.-Иерусалим, 2002. – 245 с.
27. Altshuler, M. Synagogues and Rabbis in the Soviet Union in the Light of Statistics, 1953–1964 / M. Altshuler // Jews in Eastern Europe. – 1998. – № 1(35). – P. 39–46.
28. Ro’i ,Y. The Jews and Jewish Life in Russia and Soviet Union / Y. Ro’i. – Frank Cass, England, 1995. – 456 p.
29. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII—XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.] ; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : Эка-перспектыва, 1998. – 340 с.

Поступила 09.01.2016

THE JEWS OF BELARUS IN THE TWENTIETH CENTURY: EXPERIENCE GAINS AND LOSSES

M. STRELETS

The author reflects on the problems of the history of Belarusian Jews in the twentieth century in the light of a fundamentally new conceptual approaches, which can be traced in the book L. Smilovitsky Jews of Belarus: of our shared history, 1905–1953. It was concluded that L. Smilovitsky able to show how diverse, complex, tragic, controversial and at the same time extremely interesting and instructive is the history of the Belarusian Jewry first half of the twentieth century. At the same time, Israeli scientist monograph gives an idea of the wealth of sources and topics for scientific research, about how many events and historical figures have not yet received your assessment, how many stereotypes need to be reassessed.

Keywords*: anti-Semitism, assimilation, Belarus, Jews, concepts, Leonid Smilovitsky, totalitarianism, the Holocaust, ethnic group.*